

0433

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Анна Клири

НЕ УСНЕШЬ ВСЮ НОЧЬ

Пыгари себе моту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Анна Клири
Не уснешь всю ночь
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 433

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8485793
Не уснешь всю ночь: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05402-9

Аннотация

В жизни Эмбер все изменилось в одночасье. Вместо любимого балета она теперь вынуждена заниматься цветочным магазином. К тому же рядом с ее квартирой поселился весьма нахальный и шумный сосед...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Клири Анна

Не уснешь всю ночь

Anna Cleary

KEEPING HER UP ALL NIGHT

Keeping Her up All Night © 2012 by Anna Cleary

«Не уснешь всю ночь» © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

* * *

Глава 1

Понимание пришло к Гаю Уайлдеру довольно поздно. Зато теперь он больше не находился в поиске. Гай покончил с женщинами и их сладкими обещаниями вечной любви. Теперь он выражал свои эмоции в песнях. Зачастую сентиментальных и даже трагичных, которые лучше всего распевать после полуночи в приютах для разбитых сердец. Но они были мелодичными и сексуальными – песнями, в которые можно верить... Да, он все еще одинок, и это хорошо. Днем он создавал свою компанию, по ночам сочинял песни, и парни из группы «Голубая замша» горели желанием их исполнять. И как бы чудовищно они ни расправлялись с его текстами, группа подавала надежды. Поэтому по возвращении из Штатов, куда Гай ездил в командировку, ему прежде всего необходимо было предоставить парням для репетиций какое-то помещение. Подвернулась квартира его тети. Жилище располагалось над торговым пассажем «Кирри-бирри». Сама Джин не возражала. Она доверяла Гаю и разрешила ему провести там неделю или две, пока она в отъезде.

Но была одна проблема. Парни обычно громко играли на ударной установке, а Гай придавал особое значение шуму.

Когда ребята пробирались в дверь со своими инструментами, он заметил горящий фонарь над соседней дверью, но сама квартира была погружена в темноту.

Было еще слишком рано, чтобы ложиться спать. Гай заказал по телефону пиццу, но, едва приступив к работе над песней, он и его музыканты тут же забыли об ужине. Темп все нарастал, они подбирали аккорды, как вдруг их прервал какой-то отдаленный дверной звонок.

Объявив перерыв, Гай оставил клавиатуру великолепного старинного рояля своей тети и проследовал к двери.

Да, разносчик пиццы действительно оказался за дверью, но не около квартиры Гая, а у соседней.

– Уверяю вас, это была не я, – говорил низкий мелодичный голос. – Я никогда не заказываю пиццу. Должно быть, это те, кто так ужасно шумит. Вы пробовали постучать? Хотя вам, наверное, понадобится кувалда, чтобы...

Гай мысленно закончил предложение. Соседка обернулась и посмотрела на него.

И Гай почувствовал, как между ними пробежала искра.

Фиалковые глаза, серьезные, с темными ресницами, высокие скулы на привлекательном лице. Рот, такой же спелый и сладкий, как слива... «Великолепная! – первая поразившая его мысль. – Великолепная, желанная, соблазнительная... ловушка».

Ростом женщина была футов пять или шесть, если только его наметанный глаз не был ослеплен, с длинными волосами, убранными назад. Восхитительно густыми, длинными, темными и блестящими. А ноги... О боже, ноги!

Он не мог как следует разглядеть грудь под домашним ха-

латом, но очертания были видны. Холмы. Долины. Изгибы...

Гай впился взглядом в соседку, которая всем своим видом выражала недовольство.

Он улыбнулся:

– Думаю, это для меня. – Гай вынул деньги и взял у посыльного груды коробок с пищей: – Спасибо, друг. Держи, это тебе.

Разносчик растворился в лифте или на лестнице... А может, он прошел сквозь стену?

– Извините за беспокойство, мисс?..

– Эмбер О'Нейл, – угрожающе произнесла она. – Вы не понимаете, насколько шум отдается в соседних квартирах? В самом деле, звук только усиливается, а стены очень тонкие.

Он поднял брови:

– Да? Звук усиливается? Это интересно. Уникальная акустика. Спасибо, что подсказали!

«Эмбер, – думал он, сосредоточившись на фиалковых глазах. И на ее рте – таком мягком и аппетитном. Знакомое опасное ощущение взволновало его кровь. – О господи, это было давно, так давно...»

Очевидно, соседка все еще не замечала попыток Гая очаровать ее:

– Некоторым нужно работать, знаете ли. И у некоторых есть бизнес, которым нужно управлять.

– Неужели? – улыбнулся он. Ему нравилось дразнить эту женщину. Слушать ее голос. – Спасибо. Но разве эти неко-

которые никогда ни на чем не играют?

В тот же момент Гай заметил, как ее взгляд скользнул по его груди и рукам и ниже, к пряжке на ремне. Несмотря на бурное негодование, в глазах ее на мгновение загорелась искра. Подлинно женская искра, которая открывала ящик Пандоры с манящими соблазнами...

Вот это да! По его пояснице пробежала и замерла горячая волна.

Он вошел в квартиру тети и закрыл дверь. Остановившись, переводя дыхание, Гай осознал всю нелепость своего порыва и снова открыл дверь.

Слишком поздно. Она уже ушла.

Тяжело дыша, Эмбер стояла под люком на потолке в своей пустой гостиной и пыталась подвести итог произошедшему.

Вновь зазвучали воздушные аккорды «Лунного света». Обычно каждая нота была для ее души как капля серебряной магии. Она приподнялась на цыпочках и подняла руки навстречу лунному свету, проникавшему сквозь люк...

Арабеск, арабеск, глisse...

Бесполезно. Магия исчезла.

Эмбер выключила музыку. Она не могла вспомнить, когда в последний раз испытывала такую злость. Нет смысла пытаться избавиться от бессонницы. Она все еще слышала жуткий грохот из-за соседней двери, хотя там все-таки немного убавили громкость. Она ничего не желала знать о них!

О нем...

Она не желала знать, как он выглядел в тех джинсах... Эмбер привыкла к хорошо сложенным парням с мускулистой грудью.

Но если честно, она думала сейчас только о нем. И больше всего о его глазах. В свои двадцать шесть лет она повидала много больших серых глаз с морщинками в уголках...

В них была издевка... И откуда только берется мужская самонадеянность? Они считают – поскольку она женщина, то должна ими заинтересоваться. Как сильно может ошибаться мужчина?

Она сбросила с ног тапочки и вернулась обратно в кровать. Некоторое время лежала на одной половине. Легла на другую сторону. Все еще плохо. Ворочалась и крутилась. Но мозг никак не хотел успокоиться.

Деньги. Магазин. Ремонт. Одиночество.

И мужчина со смеющимся взглядом...

Обычно во второй половине дня возле «Флер Элиза» в пассаже «Киррибирри» было безлюдно. В этот день, который с уверенностью можно назвать самым длинным днем на памяти Эмбер, не появился ни один покупатель. После трех бессонных ночей она решила немного вздремнуть в подсобке, где составляли букеты.

К сожалению, Иви, бухгалтер, которую Эмбер унаследовала вместе с магазином, вошла в комнату:

– ...вам придется экономить. Эмбер? Вы слушаете?

Эмбер вздрогнула. Не в первый раз она замечала пронизывающую силу голоса Иви. Казалось, даже самый тихий ее возглас мог заставить задрожать стекла в окнах.

Эмбер опустила тяжелую голову на загроможденный стол. Отсутствие сна расшатало ее нервы – спасибо соседу! Уже два дня в висках у нее стучало. Возможно, если проигнорировать Иви, та заткнется? Сейчас не самый подходящий момент для того, чтобы разбираться со счетами. Она устала...

Эмбер постоянно думала о том, что происходит в квартире Джин каждую ночь. Шум. Гвалт. Этот парень...

Она сжала зубы. Чем скорее Джин и Стюарт вернутся из свадебного путешествия, тем лучше!

Эмбер так негодовала по поводу того, как он смотрел на нее этим обжигающим взглядом, с ленивой улыбкой, играющей на его дерзком, невероятно сексуальном рте...

Возможно, он решил, ей это польстило? А ведь она выглядела не лучшим образом. Если на женщине надет старый поношенный халат поверх ночной рубашки и мужчина проявляет заинтересованность, это даже не льстит. Просто так он смотрит на каждую женщину. Другими словами, ее временный сосед, скорее всего, неисправимый бабник, как и ее отец.

Да, так он и выглядел с этой своей ухмылкой. Типичный сердцеед с нарциссическими наклонностями!

Эмбер опустила голову на руки. Одна из песен, которую

исполняла его группа, постоянно звучала у нее в ушах. Сегодня утром, принимая душ, Эмбер услышала через стену, как сосед неторопливо и эротично насвистывал ту же мелодию в своей ванной, и это еще больше разозлило ее.

Почему Джин не предупредила ее? Разве они не были друзьями? Эмбер не раз кормила ее рыбок и поливала цветы.

– ...сократите ваши расходы. – Голос Иви прорезался сквозь туман ее мыслей. – Серена – самый подходящий вариант.

Шокированная ее словами, Эмбер хрипло переспросила:

– Что? Вы сказали, мне нужно уволить Серену?

– Ну, если вы не сократите расходы другим образом...

Эмбер была в замешательстве:

– Но Серена наш самый гениальный флорист! Ни у кого из нас нет такого таланта. Да, я знаю, с тех пор как у нее появился ребенок, ей нужно чаще отлучаться. Но когда она решит вопрос с ребенком, все наладится. Ей очень нужна эта работа! Серена и ее ребенок зависят от нас.

– Я не занимаюсь благотворительностью, – пробормотала Иви. – Потом вы заговорите о том, чтобы открыть задний вход и спустить целое состояние на новое оформление.

Эмбер ощутила, как ее мышцы напряглись. Иви ничем не управляла. «Флер Элиза» был ее, Эмбер, магазином! Это ее наследство от матери. Слова возмущения так и срывались с губ, но она сдержалась. Бизнес-курс, который она изучала, строго рекомендовал оставаться спокойной во время любого

конфликта. Сохранять холодный профессионализм.

Она сделала глубокий успокаивающий вдох. Несколько длинных вдохов. Ей следовало помнить – ее мать очень доверяла Иви. Легендарная способность Иви избегать издержек была ценным качеством. Но не в цветочном магазине. По крайней мере, не в цветочном магазине Эмбер. Ее магазин должен благоухать. Маки и тюльпаны, мимоза и фиалки, нарциссы, незабудки. Много всяких цветов – и розы, розы, розы...

Она подумала о насыщенных и пьянящих ароматах, которые завлекали людей с улицы.

И пусть сама Эмбер еще не доросла до звания делового человека, но чутье подсказывало – скаредный подход Иви был не лучшим вариантом. Что действительно привлечет покупателей, так это много цвета, текстуры и манящих ароматов. Это привлекло бы такую чувственную женщину, как она сама. Такую, какой она могла быть. В один прекрасный день...

Но с Иви бесполезно спорить! Ничто не могло заставить ее изменить свое мнение.

– Я думаю взять банковский кредит, – зевнула Эмбер.

О нет! Не стоило этого говорить. Лучше бы она бросила гранату. Короткая шея Иви вытянулась. Так всегда случалось, когда она была разгневана, встревожена или шокирована.

Как сейчас.

Маленький рот женщины недоверчиво скривился.

– Вы сошли с ума, девочка? Как вы будете выплачивать кредит, если что-то пойдет не так с торговлей?

– О, какая еще торговля? – проворчала Эмбер, возмущенная обращением «девочка». – И потом... Нам нужно говорить об этом именно сейчас?

Ради всего святого, Иви не была ее бабушкой, хотя и одевалась подобным образом. Ей было всего лишь тридцать девять.

Эмбер сжала в руке две розы.

– Нам нужно об этом говорить именно сейчас? – просто-напросто она. – У меня болит голова.

Ей нужно было подумать. О мужчинах и предательстве. О любви и боли. О безответной страсти. Эмбер не знала, почему эти вещи занимали ее мысли именно сейчас, когда она так устала и разбита из-за ночного шума, но по каким-то причинам она думала об этом все больше. Вот уже в течение трех ночей. С тех пор как она увидела этого хулигана по соседству.

Не то чтобы она сочла его привлекательным...

Ну хорошо, он сексуальный, небрежный и... небритый. Те джинсы, в которых он был, вообще следовало бы немедленно сжечь. А эта его старая поношенная рубашка, в которой она увидела его в булочной! Рубашка выглядела так, словно кто-то пытался ее с него сорвать. Кто-то отчаявшийся...

Нет, не как она! Она не была отчаявшейся. Эмбер просто принадлежала к типу людей, которых мог взволновать

вид загорелых мускулистых рук. Она была очень чувственной женщиной, со всеми слабостями, присущими именно таким представительницам слабого пола.

Очень похожа на Юстасию Ви.

Эмбер открыла для себя Юстасию вчера, во время недолгого преступного чтения в цветочном магазине. Все равно в это время покупателей не было! И если бы Иви в этот момент не настояла на ее помощи, то Эмбер могла бы получить возможность больше узнать об прекрасной героине. Но ей пришлось спрятать книгу в потайном месте за горшком с папоротником и отправиться на зов Иви.

Юстасия была женщиной чувственной и сладострастной...

Отлично! Эмбер понимала: сама она не настолько чувственная или очаровательная, как героиня романа. Может, если только обернуть ее в тюль и перья... На сцене, затопленной магическим светом. Тогда она могла быть вполне очаровательной. Просто поставить Эмбер О'Нейл впереди громко играющего оркестра с софитами – и она заставит бешено забиться даже сердце сфинкса.

– Ц-ц-ц. – Даже звук, издаваемый языком Иви, мог пробить черепную коробку. – Вы прятали эти счета, Эмбер?

Эмбер почувствовала, как ее бросило в жар:

– Не прятала. Я просто... могла... отложить их... Послушайте, Иви, мне сейчас не до этого!

Но Иви не собиралась проявлять милосердие. Как только она вонзала свои острые зубы во что-либо, то, как терьер, уже не отпускала добычу.

Она помахала пачкой счетов перед лицом Эмбер:

– Знаете, что я думаю? Вы катитесь под гору! Вам нужно понять это, девочка! Наилучший выход – это продать магазин. Вы же не хотите объявить себя банкротом?

Слова эти перевернули все внутри Эмбер. Она попробовала вздохнуть:

– Иви, попробуйте и вы понять... Это магазин мамы. Она любила его.

Но сухие круглые глаза Иви под прямой каштановой челкой буравили ее.

– Ваша мать всегда оплачивала счета! Ваша мать умела следовать советам.

Эмбер вздрогнула. Такая маленькая женщина умела наносить почти смертельные удары. Эмбер отлично знала: Лиза не всегда оплачивала счета. Но она не намеревалась обсуждать ошибки своей матери.

Ее мать лежит сейчас в холодной, холодной земле... Каждый раз, когда Иви упоминала ее имя, сердце начинало ныть. До сих пор Эмбер не могла справиться со своей болью, все еще свежей и острой...

Эмбер глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. К счастью для Иви, она умела прекрасно контролировать себя. Это было то, что Эмбер действительно хорошо делала. Если бы

только можно было побыть в одиночестве! Это все, чего она хотела в настоящий момент. Покой и долгие часы безмятежного сна...

Разве она многого просит? Сначала Эмбер, ухаживая за больной матерью, крутилась как волчок, а сейчас для нее и вовсе стали недоступны эти простые вещи – покой и сон.

– Вы в курсе, сколько стоят те розы на длинном стебле? – брюзжала Иви. – Почему бы просто не покупать более дешевый товар? Почему вы никогда не...

Слова ее словно кололи Эмбер горячими иголками. Она задержала дыхание.

– Только посмотрите сюда. Зачем заказывать фрезии вне сезона? Вы не можете себе их позволить!

Эмбер размеренно произнесла:

– Вы знаете, мама любила фрезии. Они были ее любимыми цветами. – Она ощутила неизбежный комок в горле и то, как увлажнились ее глаза. – Важно, чтобы у цветов был аромат...

– Аромат? Чепуха! Аромат – это роскошь, которую мы не можем себе позволить.

До закрытия все еще оставалось минут десять. Эмбер почувствовала непреодолимое желание сбежать. И быстро. Пока она не дала слабину и не поставила маленького терьера несколькими хорошо подобранными словами на место.

– Прошу прощения, Иви, я не могу сейчас этим заниматься. У меня жуткая мигрень. Я поднимусь наверх. Вы запер-

те тут все?

Иви замерла с открытым ртом. Но через секунду произнесла:

– Ваша мать никогда не уходила раньше!

«Едва ли это правда...» – мрачно подумала Эмбер.

Не было ни одного покупателя, и едва ли они появятся.

Она прошла мимо горшков с папоротниками и редких букетов и вышла в пассаж, пока бухгалтер не набросилась на нее с очередным советом. Пока Эмбер шла, спотыкаясь, по пассажу мимо ярких магазинов, ее мигрень только усиливалась. По правде говоря, ей всегда становилось немного нехорошо, когда она думала о «Флер Элиза».

Девятый этаж был блаженно тих. Эмбер открыла дверь в свою квартиру. Поток горячего, затхлого воздуха встретил ее. Включив кондиционер, она обошла квартиру, открывая окна и балконную дверь. Затем Эмбер вытащила шпильки из прически и позволила волосам упасть на плечи и ниже, до пояса. На ходу срывая одежду, она забралась наконец-то в кровать.

Эмбер закрыла глаза. Мысли роем кружились в голове.

Если бы она до сих пор была в балетной труппе, то сейчас бы ехала в трамвае домой после чудесного дня, полного музыки и упорных репетиций, напевая мелодии Чайковского, ощущая боль в мышцах и душевный подъем.

Сможет ли она когда-нибудь в жизни вновь почувствовать

себя так?

Неожиданно неприятная мысль заставила ее сжаться. Что, если центральное управление пассажира поступило по своим правилам? Что, если она действительно потеряет свой магазин?

Прошла целая вечность, прежде чем ее паника улеглась. В конце концов усталость сделала свое дело. Боль в висках немного стихла. Милосердный освежающий ветерок с Сиднейского порта прошуршал тонкими занавесками по обе стороны балконной двери и остудил ее кожу.

Эмбер уже почти заснула, наконец-то умиротворенная райским забвением, окутанная исцеляющей дремой, как вдруг откуда-то раздался тяжелый грохот.

Ее глаза широко раскрылись, оголенные нервы вернулись в прежнее напряженное состояние.

Звук шел с другой стороны стены.

– О, только не это!

Эмбер подскочила и рывком открыла дверцу шкафа, чтобы достать юбку и топ.

На обувь времени не нашлось. В гневе она вылетела из квартиры, постучала в соседнюю дверь и вновь занесла руку. Ее кулак остановился на полпути, так как дверь внезапно распахнулась.

Это был он. Его щетина стала гуще, ресницы казались чернее, хотя серые глаза так же сверкали серебром. Опершись сильным плечом о косяк, он еще раз посмотрел на нее дол-

гим, медленным, изучающим взглядом – так король прайда рассматривает маленькую антилопу гну в стаде.

– Так-так, Эмбер, – сказал он хрипло. – Как мило, вы нашли время зайти!

Он пытался быть забавным? Без сомнения, в черной майке и искусно порванных джинсах, облегающих загорелый мускулистый торс и длинные ноги, он был воплощением мужественности...

Но Эмбер не была одной из них.

– Этот шум из-за вас! – проскрипела она. – Я пытаюсь уснуть, и он мне мешает.

Черные брови взлетели вверх.

– В шесть часов вечера? Займитесь лучше делом, дорогая.

Он начал закрывать дверь, но Эмбер оказалась быстрее. Она просунула голую ногу в просвет.

– Нет, подождите минутку! Я и так занимаюсь делом. И дел у меня очень много! Если бы вы не атаковали рояль Джин... – Она тряхнула головой в возмущении. Прекрасный «Стейнвей» Джин... – Вы и ваши друзья с вашими дурацкими барабанами... Вот почему я вынуждена ложиться уже в шесть вечера!

Он посмотрел на нее в долгом раздумье, брови все еще недоверчиво подняты.

– Вы не любите музыку?

Она? Чьи первые шаги были сделаны в танце? Эмбер покачала головой:

– Я люблю музыку, мистер. Когда ее слушаю. Я уже просила вас, причем вежливо. Теперь, если вы не перестанете шуметь...

– А, вот оно что! Вы мне угрожаете. – Он окинул ее внимательным взглядом с головы до ног.

Обжигающая сила неприкрытого мужского интереса проникла сквозь ее тонкую одежду. Она поняла: в спешке надела слишком обтягивающий топ с глубоким вырезом, да еще без бюстгальтера... Эмбер с трудом сдержалась, чтобы не обхватить грудь руками.

– Мне нравятся женщины, которые говорят жестко, – сказал он, плутовски изогнув бровь. – И что же вы мне сделаете?

Необдуманные слова чуть было не сорвались с ее губ. Разочарования и тревоги, которые Эмбер подавляла в последние дни, забурили. Ей захотелось впиться зубами и ногтями в его шею, расцарапать осунувшееся лицо.

Он рассмеялся, сверкнули белые ровные зубы:

– Не делайте этого. Почему бы вам не зайти, чтобы мы могли что-нибудь вместе придумать?

– Послушайте, мистер... – прошипела она.

– Гай. Гай Уайлдер. – Его сексуальный рот расплылся в улыбке.

– Я пришла предложить, чтобы вы и ваша группа репетировали где-нибудь в другом месте. Иначе я пожалуюсь на вас в жилищный комитет!

Его голос звучал весело:

– Кажется, ситуация накалилась.

– Джин вообще знает, что вы здесь? Его брови удивленно поползли вверх.

– Моя дорогая тетушка не только знает об этом. Она хочет, чтобы я был здесь. Я дам вам ее адрес, хорошо? Вы можете проверить.

– Я хорошо знаю Джин. Она ни в коем случае не хотела бы причинить беспокойство соседям. И она бы ни за что не согласилась на то, чтобы ваша группа находилась здесь днем и ночью!

– Она здесь находится не постоянно. – Его спокойный, размеренный тон выводил ее из себя. – Видите ли, я пишу песни. Группа, которую вам выпала удача слышать здесь в последнюю пару вечеров, – и позвольте напомнить, не в позднее время! – не может репетировать в своем обычном месте. У ребят скоро концерт, и поэтому им нужна генеральная репетиция. А это значит, что...

– Я знаю, что это значит! – огрызнулась она. – Вряд ли концерт будет успешным. Ваша группа играет отвратительно!

Его брови взлетели вверх, а глаза оглядели ее с насмешкой.

– Я передам ваши критические замечания ребятам.

Собственные резкие слова доставили Эмбер легкое удовлетворение. Даже если этот тип был племянником Джин, он причинял ей неудобства!

Эмбер смутно помнила рассказы Джин о членах семьи. Был один выдающийся родственник, который хотел снимать кино. Был ученый, влюбившийся во время плавания в Антарктику. Тетя рассказывала и о парне, невеста которого – любовь всей его жизни, по словам Джин, – бросила его у алтаря и сбежала с солдатом. Но Эмбер так и не могла вспомнить ни одного упоминания о музыканте...

Молодой мужчина слегка повернулся. Достаточно, чтобы взгляд Эмбер упал на комнатные растения, которые Джин развела у себя в холле.

Шокированная увиденным, она не могла сдержаться:

– Только посмотрите на эти антуриумы! Джин будет в ярости, когда узнает, что вы позволили ее прекрасным растениям завянуть. Она наверняка показала вам свою систему орошения?

Гай равнодушно пожал плечами:

– Она вроде что-то говорила.

– А что с ее рыбками?

– Рыбками?

– Только не говорите, что вы их не кормили! Этот аквариум – гордость и радость Джин!

Эмбер уставилась на него – на его серые глаза, горящие на небритом лице, на черные брови, изогнутые с насмешливым удивлением.

– Я не знаю, что там с рыбками, – мягко сказал он. – Почему бы вам не зайти и не проверить? Вы даже можете прове-

сти инвентаризацию – на случай, если я сломаю что-нибудь.

Эмбер постаралась не заметить его сарказм. Оттолкнув Гая, она вошла в обычно безукоризненно чистую квартиру Джин и остановилась посреди гостиной.

Сумрак окутывал комнату. Горела только одна лампа, отбрасывая мягкий абрикосовый свет, но благодаря свету из холла и от аквариума Эмбер разглядела беспорядок. Газеты беспорядочно разбросаны на кофейном столике около работающего ноутбука, а больше всего их было на коврике. Ноты для дорогого рояля Джин были также раскиданы на полу, а рядом, напротив дивана, стояла пара ее шведских хрустальных бокалов.

– Ну как? – Его самодовольный взгляд оторвался от картины хаоса, чтобы встретиться с ее глазами. – Некоторые комнаты похожи на своих обитателей. Можете возмущаться по поводу небольшого беспорядка...

Эмбер не смогла найти слов. Слишком поздно, чтобы пытаться разрешить конфликт без агрессии.

Она схватила драгоценную сонату Джин и прошагала к аквариуму. Было почти невыносимо видеть спокойную воду. Ни одно мертвое тельце рыбок не плавало по ее мирной поверхности.

Обернувшись, Эмбер увидела – он смотрит на нее, заложив пальцы за ремень и скривив рот.

– Вы кормили рыбок, не так ли? – В гневе она стала скручивать листы с сонатой во все более плотный цилиндр. – Это

была уловка, чтобы заставить меня войти, так?

Он развел руками:

– Ну вот, вы раскрыли мой план...

Эмбер резко махнула нотами:

– Да вы смеетесь надо мной!

– Ни в коем случае.

Он сделал пару шагов – и его большое стройное тело оказалось ближе. Достаточно близко, чтобы она почувствовала жар. Эмбер не могла отодвинуться, не опрокинув аквариум, поэтому осталась на месте с бешено бьющимся сердцем.

Его голос прозвучал глубоко и мягко:

– Хорошо, извините, что рассердил вас, Эмбер. Я вижу, вы очень эмоциональная женщина. Думаю, вы немного устали. Люди часто переутомляются. – Он сдвинул брови и пристально посмотрел на нее: – Эмбер? Это ваше имя?

– Что?..

– Я думаю, вас должны были звать Индиго. Или Лаванда. Ваши родители, должно быть, были пьяны... – Он пожал плечами. – Полно, я принимаю ваши извинения. Не хотите ли выпить чего-нибудь?

– Я не извиняюсь! – Ее голос дрогнул, так как она потеряла остатки самообладания. – И я не хочу пить! Только посмотрите, что вы сделали с прекрасным домом Джин! У вас нет права трогать ее дорогой рояль. Вы – вандал! И вообще, я не хочу знать вас, видеть вас и слышать ваш чудовищный шум!

Он изучал ее серьезным и задумчивым взглядом. Но она знала – это всего лишь спектакль. Внутри Гай готов был рассмеяться. Над ней.

– А вы слегка на взводе. – Он наклонился вперед.

Она вдохнула его чистый мужской запах, и... разряд электричества зарядил ее новой порцией адреналина.

– Вам следует успокоиться. – Его чувственный взгляд ласкал ее всю – волосы, шею, задержался на губах... – Кажется, я знаю способ, как помочь вам расслабиться.

– О-о-о. – Должно быть, гнев полностью завладел ее разумом, потому что она подняла ноты с сонатой и ударила ими по его лицу.

С ужасом Эмбер смотрела, как тонкая красная линия появилась на его щеке там, где ее задел край бумажного свертка.

Мир был готов рухнуть. Какое-то мгновение оба стояли словно парализованные. Затем он быстро схватил ее за руки.

– Вам следует себя контролировать, – сказал он мягко.

Ее сердце подпрыгнуло, когда его руки завладели ее предплечьем.

– Отпустите! – сказала она, стараясь говорить спокойно, пока ее сердце бешено колотилось о ребра. И выпалила первое, что пришло ей в голову: – Вы что, собираетесь меня поцеловать?

Его брови взметнулись вверх в удивлении.

– Вы действительно это хотели сказать, Эмбер? Ради всего

святого! Его губы оказались самыми восхитительными губами, которые она встречала...

В тот же миг, когда ощущения прошли по Эмбер как электрический разряд, глаза Гая Уайлдера загорелись желанием.

– Уберите от меня руки! – Его хватка тут же ослабла, и Эмбер высвободилась. – Спасибо, – потирая руку, прошептала она. – Возможно, некоторые женщины и падают на колени при виде вас, Гай Уайлдер, но не я!

Огонь в его блестящих глазах усилился. Он рассмеялся, за пару больших шагов пересек холл и широко раскрыл дверь:

– Бегите домой, моя дорогая, и успокойтесь. Иначе коварный мужчина соблазнит вас, а вам еще и понравится...

Она проскользнула мимо него, придумывая колкость. Затем с невинной улыбкой указала на красную полосу на его щеке:

– Лучше наложите что-нибудь на это.

Он потрогал царапину пальцами. Улыбка изогнула уголки его рта, когда он парировал:

– Увидимся, дорогуша.

Дверь закрылась.

Гай был похож на человека, которого ураганом занесло в странное место. Его творческая душа порхала. Как она держала себя! Какая гордая осанка! Если бы только он мог поставить ее под объектив камеры...

Гай застонал, думая о том, как она изящно и грациозно скользила по комнате. Он чувствовал возбуждение и одновременно удивительную активность, как будто все его существо было электрическим проводом.

Кровь быстрее бежала по венам. Как много времени прошло с тех пор, как он испытывал подобное? Боже правый, это так чудесно!

Оказавшись в безопасности в своей квартире, Эмбер уткнулась лицом в подушку, думая о красивом насмешливом лице Гая и его поцелуе... Она должна была сгорать от стыда, но, если быть честной, даже не чувствовала сожаления. Что с ней было не так?

Никто из тех, кто ее знал, не поверил бы, что Эмбер О'Нейл, скромная и мягкая, способна потерять контроль над собой.

Значит, никто не знает ее...

Однажды она уже опозорила себя, выплеснув стакан пива в красивое и лгущее лицо Мигеля де Варгаса, но это старая история. И Мигель это заслужил. А сейчас все произошло от недосыпания. Если в ближайшее время она не выспится, ее нужно будет изолировать от общества.

Эмбер ткнула подушку кулаком, подбросила ее и перевернула, но это не помогло. Бесполезно. Она вела себя как идиотка! Куда девалось ее решение всегда оставаться спокойной в конфликтных ситуациях? Он сохранял хладнокровие, по-

ка она...

Она скорчилась при мысли, как легко сосед с ней разделся.

Должен был быть способ, чтобы спасти ее женскую гордость.

Внезапно Эмбер замерла. Она слышала его. Он был там, за стеной, напевая себе под нос как человек, которого вообще в мире ничего не тревожит. Или... Унизительная мысль пронзила ее. Мужчина злорадствовал!

Где ее женская гордость? Она что, собирается просто лежать и глотать это?

Эмбер выбралась из постели и за пару минут надела сексуальный бюстгальтер и туфли на каблуках.

Она подумала сменить топик со слишком глубоким вырезом, но затем отбросила эту идею. Не хватало только, чтобы он подумал, будто она старается для него.

Расправив юбку, прошлась щеткой по длинным волосам. Тщательная подводка для глаз, немного туалетной воды, взмах пуховки по носу.

Затем, уже более представительная, более собранная и владеющая собой, она отпила глоток овощного сока из холодильника и продефилировала к его двери во второй раз.

Подняв руку, Эмбер решительно нажала на кнопку звонка.

Глава 2

Казалось, прошла вечность, прежде чем Гай Уайлдер открыл дверь. Он ничего не сказал, только надменно поднял черную бровь.

– Э-э-э... – У нее пересохло во рту.

Эмбер явно недооценила подлинную силу его воздействия на нее. Поежившись под холодным, жестким взглядом, она почувствовала, как ее уверенность начала таять.

– Послушайте, – сказала она, облизнув губы. – Я думаю, мы можем разумно все решить...

Продержав Эмбер в напряжении несколько мучительных секунд, Гай широко открыл дверь, приглашая ее войти.

В гостиной он небрежно прислонился к каминной полке, весело изучая ее смелым взглядом:

– Так о чем вы там думали? Настал момент для извинения.

«Держись уверенней, Эмбер! Не будь тряпкой, Эмбер!» – так в прошлом говорили ее подруги.

В привычной ситуации она бы извинилась и пару раз невинно махнула ресницами, выглядя очаровательно глупой. Но не в этот раз.

– Я просто хочу еще раз обсудить вопрос, – произнесла она холодно. – Стены в этом здании очень тонкие. Ваше... пение будит меня.

Он улыбнулся, сверкнув глазами, в уголках которых со-

брались морщинки:

– Вы знаете, мне интересно, как такая здоровая женщина, столь изящная и грациозная... – Он наклонил голову набок, его рот чувственно дрогнул. – В такой великолепной форме, как у вас, вы слишком много времени уделяете сну. Вы когда-нибудь занимаетесь чем-нибудь активным, Эмбер? Ходите в спортивный зал? В клубы? Танцуете до рассвета?

Какая ирония! И этот вопрос задают женщине, которая занимается танцами три раза в неделю по утрам, содержит магазин, учится и к тому же хватается за любую работу, лишь бы избежать нищеты!

– Это вас не касается!

Он опустил ресницы, слегка улыбаясь:

– Что ж, я рад, что вы пришли извиниться.

– И не мечтайте! О'Нейлы не извиняются! В его глазах промелькнула вспышка.

– Разве? Они что, не поют и не музицируют? Он стремительно приблизился и, прежде чем она успела воспротивиться, схватил ее и опустил рядом с собой на стул возле рояля. Эмбер глотнула воздух, высвободилась, но тут его глубокий спокойный голос пригвоздил ее к месту:

– Это музыка вас так раздражает или мужчины? Она издала презрительный смешок:

– Не будьте глупцом! Я люблю музыку. Обхватив талию Эмбер загорелой рукой, Гай притянул ее к себе.

Она попыталась высвободиться, но его тело было таким

большим, мускулистым и твердым как железо!

Чистый запах мужского тела, мужественное тепло, его прикосновение привели ее чувства в смятение. Эмбер следовало оттолкнуть Гая, встать и уйти, но что-то удерживало ее на месте.

– Какую музыку вы любите?

– Всю! Шопен. Дебюсси. Чайковский, само собой.

– О, само собой! – Он улыбнулся.

– Не смейтесь, – сказала она быстро, – у каждого свой вкус.

– Естественно. Если вы предпочитаете слушать мертвых.

Его дыхание щекотало ей ухо. Губы Гая были довольно близко, и она ощутила некий отголосок в своем теле...

– Может, они и мертвы, но их музыка будет жить вечно. – Она бросила на него вызывающий взгляд: – Можете вы то же сказать о себе?

Он выглядел явно озадаченным:

– Теперь вы и в самом деле попали в больное место. Внезапная мысль поразила Эмбер.

Она могла. Слегка наклонившись, она могла облизнуть его сильную загорелую шею и ощутить ее соль на вкус. Доставить ему удовольствие своим языком...

Адреналин, должно быть, вскружил ей голову.

– Думаю, к вашему списку можно добавить и Шопена? – продолжил Гай с насмешкой. – Не слишком ли это для вас слабенько, Эмбер?

– Нет. Эти шедевры – проникновение в мою душу. – Она повернулась и посмотрела на него.

Гай встретил ее ясный взгляд и услышал свой внутренний голос: «Ты знаешь свою слабость. Такие ресницы! И эти поразительные глаза...»

Эмбер почувствовала – предательский румянец вот-вот затопит ее.

Его рот был так смертельно прекрасен и так близок, что ей пришлось задержать дыхание.

«Ради бога, Эмбер! Должно быть, усталость расстроила твои чувства. Только из-за того, что у него точеный рот и потрясающий профиль, ты не должна забывать о реальности. Возьми себя в руки и уходи!»

Так ее мать всегда говорила ей, а уж Лиза О'Нейл знала об этом лучше остальных: «Когда ситуация становится серьезной, мужчины исчезают».

Правда, Эмбер никогда не следовала мудрым советам матери, но это не означало, что она должна была потерпеть поражение и на этот раз!

– Давайте посмотрим, Эмбер. – На таком расстоянии она могла чувствовать вибрацию его глубокого голоса в груди. – Ваши губы подобны вишням и розам. Я думаю, мне стоит их попробовать...

Она напряглась в ожидании, пульс участился, но вместо ожидаемого поцелуя Гай продолжил изучать ее.

– А ваши глаза... – Он сделал паузу. – Что рифмуется с

аметистом?

Он запел несколько мелодий, остановившись на «Элеоноре Ригби», и запел нежно:

– Эмбер О’Нейл, губы сладкие, как вино. А ее глаза как прозрачный аметист. Никогда не была поцелованной, Эмбер О’Нейл. Ей почти тридцать, и она рано ложится спать, мечтая об объятиях любви.

Гай не допел следующий кусок, просто сыграл его. Ему и не нужно было. Она его помнила. В сердце больно кольнуло.

– Очень забавно. Хотя не все правда.

– Что именно?

– Все! – Ее грудь быстро поднялась и опустилась.

Любой на ее месте чувствовал бы себя одиноким. Она скучала по матери каждую минуту каждого дня. Это так естественно! Они были неразлучны. После того как Эмбер ушла из балетной труппы и покинула всех своих друзей, она не имела возможности завести новых – кроме тех, которые работали в пассаже.

И она знала, почему он подумал, будто ей почти тридцать. Это все из-за ее одежды! Ох эта постоянная нехватка денег! У Эмбер была только одна возможность обновлять гардероб – винтажный магазин за углом, торгующий слегка поношенной одеждой с цветочными узорами.

А еще по вечерам она должна была выступать в испанском клубе в Ньютауне – и так несколько недель по субботам. На вырученные деньги Эмбер собиралась разнообразить ассорти

тимент. Но, может, она потратит часть заработка и купит себе что-нибудь модное?..

Например, новые джинсы? Маленькую куртку?

Затем она вспомнила Серену. Она обещала выдать Эмбер аванс за дополнительное выступление в четверг.

Эмбер заметила – лицо Гая расплылось в медленной, сексуальной, дразнящей улыбке, собравшей морщинки в уголках глаз.

Она рискнула мельком заглянуть в их серую глубину:

– Извините за то, что ударила вас...

– Ничего. Давно меня не шлепала красивая женщина. Это было довольно впечатляюще.

Сердце Эмбер учащенно забилось, и она отвела глаза.

– Смотрите, у вас синяки здесь... и здесь. – Он нежно провел кончиком большого пальца под ее глазами. – Вам нужно прекратить все эти гуляния, Эмбер. Вам нужно поспать.

Нужно переменить тему. Если не упоминать о сексе, ничего не произносить и не смотреть на его губы...

Ее губы пересохли, но она сражалась с желанием облизнуть их кончиком языка. Она заметила, как в его понимающих глазах мгновенно вспыхнул огонек. О боже! Он видит ее насквозь.

– Что вы вообще здесь делаете? – Она сохраняла любезный тон. Не слишком заинтересованный, по-соседски вежливый. – Джин не говорила о том, что вы здесь остановитесь.

Он кивнул:

– Это решилось буквально за минуту. Застройщик вынес стены в моем доме, и в нем стало невозможно жить. Медовый месяц Джин пришлось как раз кстати.

Задумавшись, она нахмурилась:

– Не помню, чтобы видела вас на свадьбе. Его лицо стало невыразительным.

– Я там и не был.

– О, как жаль! Это было потрясаяще. Такая вечеринка! Наверное, Джин расстроилась?

Гай пожал плечами и резко рассмеялся:

– Она бы очень удивилась, если бы я приехал. Его колено тронуло ее ногу, и Эмбер мгновенно закрыла глаза.

«По крайней мере, он говорит о Джин с симпатией», – думала она, наслаждаясь волной, скользящей вверх и вниз по ноге.

С удивлением она заметила – боль в голове исчезла.

Подобно притягательной Юстасии Ви, Эмбер всегда была весьма восприимчива к мужским коленям.

Пора взглянуть правде в глаза. Были времена, когда она ощущала себя опустошенной и бесполезной. А теперь горел свет, играла музыка, и по ее телу разливалось тепло...

– Как прекрасно быть с вами, Эмбер! Или это могло быть... прекрасным. Что скажете?

Его руки перебирали клавиши, заставляя музыку струиться подобно ласковой воде. Она представила, как эти руки играют на ее позвоночнике. Успокаивая и лаская ее. Поглажи-

вая ее волосы.

Она рассмеялась гортанным смехом:

– Я бы не сказала, что вы со мной.

– Но я становлюсь ближе. Вам так не кажется? – Его рука обхватила и погладила ее бедро.

– Вы только хотите. – Она немного отодвинулась. – Что-то я не заметила, чтобы вы продемонстрировали свою соседскую доброжелательность, Гай.

Он ответил низким сексуальным смехом, который демонстрировал его уверенность в своих силах.

– Я работаю над этим. Давайте посмотрим... Могу я предложить вам немного вина?

Она редко пила алкоголь, предпочитая фруктовые и овощные соки. Вино не было союзником балерины. Эмбер пожала плечами:

– Вино было бы неплохо.

Гай вышел на несколько минут. Вскоре она услышала, как он открывает буфет и настенный шкаф в кухне.

Она несколько раз тяжело и глубоко вздохнула.

Гай вернулся с двумя бокалами и бутылкой красного вина. Эмбер сразу же узнала специальный свадебный хрусталь и взяла бокал с чувством вины.

«Эй! Ты не отвечаешь за квартиру, разве не так? Иногда лучше просто плыть по течению...»

Они звякнули хрусталем. Гай смотрел, как Эмбер поднесла бокал к губам.

– Расскажите мне о себе, Эмбер, – сказал он. – Чем вы занимаетесь помимо почитания умерших?

– У меня цветочный магазин в пассаже. Он поднял бровь:

– Что-то я не припоминаю. Где ваш магазин? Он, должно быть, прячется дальше вниз по проходу.

– Вовсе нет.

Он поставил бокал и снова начал перебирать клавиши.

Эмбер старалась не смотреть. Чем меньше она будет смотреть на стройную руку, подбирающую мелодию с такой обыденной уверенностью, тем лучше. Или на другую...

– Это в самом конце, возле выхода на улицу. Магазины у меня не так давно, и в нем немного товара, поэтому он не слишком хорошо функционирует. Когда у меня будет больше товара – больше цветов, – вы заметите его. Я открою дверь на улицу и повешу красивый тент, чтобы привлекать прохожих. Может, через полгода или около того. – За счет огромной удачи, времени и большого числа выступлений...

Он наклонил голову набок:

– Да? И как это сработает? Она быстро посмотрела на него:

– Что вы имеете в виду?

– Только это. Когда ты что-то начинаешь, нужно сразу доводить дело до конца. – Он задумался, а потом посмотрел прямо на нее: – А, теперь я знаю, почему вас так называли. Янтарь... – Его голос стал глубже. – Посмотрите. Они все же не совсем фиалковые. На радужной оболочке маленькие

красивые янтарные пятнышки.

Взволнованная, она ощутила, как краска заливает ее, и смущенно рассмеялась:

– Вы сейчас скажете что угодно. Ни у кого нет фиалковых глаз – за исключением, возможно, Лиз Тейлор...

– Тише. Где же поэт в вашей душе? – Рассеянно он взял прядь ее волос и пропустил сквозь пальцы, как если бы это был редкий драгоценный шелк.

Мягким движением она высвободила локон из его пальцев:

– Парни все так говорят.

– Разве? Я начинаю гадать, каких парней вы знали, Эмбер? – Затем, посмотрев на нее, он улыбнулся: – О, извините. Думаю, такая женщина, как вы... Вы привыкли к мужчинам, которые хотят произвести на вас впечатление. – Он быстро взглянул на нее: – Вы получаете много предложений?

Нет, таких было несколько. И Мигель...

– О, ну...

– Я не удивлен, – сказал Гай мягко. – Вокруг так много таких типов. Да, я знаю подобных. Сначала они мягко забалтывают тебя. Затем уловками подводят к поцелую. – Он посмотрел на нее блестящими глазами. – Или сегодня они сразу начинают с поцелуя?

Как будто он не знал!

– Иногда я предпочитаю сразу переходить к поцелую.

Его глаза загорелись пронзительно чувственным светом.

Он изучал ее, опустив веки, все больше напоминая холеного улыбающегося волка.

Вот он медленно поднял загорелую руку и завел выбившийся локон волос ей за ухо. В том месте, где его пальцы коснулись ее кожи, она ощутила пощипывание. Мягко он проделал путь большим пальцем руки по ее шее к углублению у ее основания.

Возбуждение охватило Эмбер. Ее губы приоткрылись, когда он задел нежную кожу шеи. Она увидела, как он смотрит на ее рот потемневшими глазами.

Эмбер наклонила голову, наслаждаясь магическим моментом предвкушения, затем быстро наклонилась вперед и прижалась губами к его губам.

Его сексуальный рот, твердый и энергичный, был со вкусом вина. Она раскрыла губы навстречу, и восхитительный огонь вспыхнул и стал кружиться в танце вокруг них.

Сильные руки Гая скользнули вверх и обхватили ее голову, а она нагнулась, чтобы оказаться в более удобном положении. Он перехватил инициативу, и поцелуй стал более интенсивным и чувственным. Эмбер почувствовала, как удушье захлестнуло ее, когда кончик его языка проник внутрь и сцепился с ее языком, дразня и провоцируя.

Ее желание уже не было лишь легкой жаждой. Теперь оно превратилось в бушующее пламя. Его щетина царапала кожу, его грудь была твердой и упругой под ее блуждающими

ладонями.

Плавная дрожь пробежала по ней от макушки головы и дальше – к груди и бедрам, спустилась ниже, к коленям и кончикам согнутых пальцев ног. Его руки нежно двигались по ее рукам, скользнули к набухшей груди.

Их дыхание смешалось, запах мужчины, казалось, проник в ее кровь. Вскоре Эмбер почувствовала, как его твердая грудь трется о ее соски.

Кровь стучала в ее ушах, и желание охватило ее как огонь – неистовое, дикое и эротическое.

Гай крепко обхватил ее руками и опустил на то место, где ощущалась эрекция, даря пьянящие ощущения. Наслаждение волнами прокатилось по ней...

Ее тело просило большего. Еще, еще и еще! Пока одним страстным, слишком усердным рывком она не столкнула его с сиденья возле рояля на пол.

Удар. Она приземлилась поверх него, неуклюже переплестя руки и ноги. Усмехнувшись, Гай улегся поудобнее. Она тоже рассмеялась, каждым дюймом своего тела ощущая его возбужденную плоть, отделенную от нее лишь тонким слоем ткани.

В какой-то момент смех затих, и оба замерли. Его руки вновь обхватили ее...

Конечно, случиться может все что угодно – но чтобы так?! С незнакомцем? В квартире Джин?..

Эмбер с трудом встала, голова ее кружилась. Поправила топ. Разгладила юбку. Должно быть, тот поцелуй ее слегка опьянил, но какая-то часть мозга оставалась в сознании.

Гай тоже встал и поправил джинсы. Они избегали смотреть друг на друга. Воздух был наполнен незавершенностью.

Она собиралась ускользнуть? Чутье подсказывало ему – нет. Если он будет вести себя деликатнее. Взгляд его упал на край ее топа, где проглядывали манящие очертания ее грудей. Эмбер определенно ощущает то же самое?

Она должна чувствовать это.

Взгляд Эмбер случайно столкнулся с его взглядом, и ее словно обожгло. Она разгладила волосы. Возможно, ей следует пойти домой, пока его глаза не свели ее с ума? В свою темную квартиру, с мебелью для гостиной, загроздившей коридор? К одинокой лампе, у которой она читала...

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказал он мягко. – Но тебе не следует уходить. Не сейчас.

Это задело ее.

– Ты не знаешь, о чем я думаю. Его глаза заблестели.

– Тогда покажи мне.

Эмбер взяла бокал и выпила еще этого слишком порочного вина. Так, с бокалом в руке, она облокотилась на рояль и улыбнулась:

– Хорошо, терпение. Продолжай. Сыграй мне. Вначале Гай немного нахмурился. Он был явно разочарован. Но затем, снисходительно пожав плечами, Гай сел за рояль.

Он свободно опустил руки на клавиши и начал играть. Это была давно забытая мелодия, которая затронула ее сердце. Он играл ее ритмично, как настоящий джазмен, вытягивая сексуальный ритм.

Неожиданно дверь в ее памяти распахнулась, и перед глазами предстала сцена из прошлого.

...Ее мать и отец танцуют и смеются в объятиях друг друга на кухне в их старом доме. Когда они все еще были вместе. Когда они любили друг друга...

Теперь она вспомнила песню. Это была «Руби», старая вещь из альбома Рея Чарлза, которую так любила ее мать. Лиза продолжала слушать ее и после того, как отец ушел от нее. Ушел от них...

Спустя десятилетия прекрасный печальный золотой голос Рея был все еще в памяти Эмбер, запомнившись ей горько-сладкой болью...

Неизвестно, что было причиной – вино или песня, но музыка затронула самые тонкие струны ее души, вернула самые уязвимые чувства, наполнила ностальгией и сожалением.

Гай поднял глаза и посмотрел на нее светящимся взглядом. Что-то промелькнуло между ними. Взаимное понимание?

Она быстро опустила ресницы, хотя знала: Гай заметил ее слезы. Но он продолжил играть, выжимая из песни последние горькие капли.

Сдерживая слезы, Эмбер посмотрела на сильные руки с

тонкими пальцами, танцующие поверх клавиш, и желание вспыхнуло в ней опять.

Пожирая его глазами, она ощутила острое похотливое желание укусить его, почувствовать его теплую кожу под подушечками пальцев. Находиться рядом с ним было одновременно болью и наслаждением. Вся во власти песни, она впиалась пальцами в крышку рояля...

Гай не мог отвести от нее глаз. Он переключился на одну из своих песен. Усиливая ритм наряду с возрастающим желанием.

Как только мелодия сменилась, Эмбер почувствовала одновременно сожаление и облегчение. Не слушая песни Рея Чарлза, она могла вновь укрепить свою оборону.

Ну и ну! Она была так близко к эмоциональному срыву! Ее беспокоило, что она позволила Гаю – незнакомцу! – увидеть так много.

Но этот час был воистину волшебным...

Скинув туфли, Эмбер взобралась на крышку рояля.

Бум! Музыка столкнулась с преградой. Спокойный и непринужденный Гай Уайлдер, должно быть, оцепенел. Эмбер захохотала в восторге, увидев его ошеломленное лицо. Он пристально смотрел на нее, глаза его светились удивленным и чрезвычайно чувственным светом.

– Плохая, плохая девочка, – мягко сказал он. – Что ты задумала?

Воодушевленная, Эмбер скользнула по крышке ближе к нему, изгибаясь, как змея. Чувственная змея, желающая ощутить сильного мускулистого мужчину...

Он смотрел на нее, его глаза горели, руки повисли над клавишами.

Она подперла голову рукой и улыбнулась:

– Ты знал, что я могу садиться на шпагат? Острый обжигающий свет в его глазах мог бы поджечь ее.

– Я очень хочу это увидеть.

Вызов, прозвучавший в его охрипшем голосе, открывал всю глубину его животного возбуждения. Эмбер О'Нейл была на подъеме и чувствовала себя такой энергичной, словно только что выполнила пируэт на сцене.

Наслаждаясь своей силой, которая вызвала такой бурный восторг – очень бурный, судя по выпуклости на джинсах Гая, – она приказал ему снова играть.

Гай был рад продолжить. Он охотно подчинился, ударяя по клавишам и зачарованно глядя на нее.

Сначала Эмбер выпрямилась и подоткнула юбку под резинку трусиков.

Затем, перед его взглядом, она приняла позицию лотоса. Каждый раз, когда его пальцы спотыкались на клавишах, она кивком просила его продолжать. И он продолжал – хотя кто знает, что это было? Руки играли автоматически, потому что все его существо было устремлено лишь на Эмбер.

Его брови недоверчиво поднялись, когда она осторожно

вытянула правую ногу, а затем – левую. Это было невероятно. И вот обе ноги раздвинулись на сто восемьдесят градусов. Его взгляд впился в нежный, прекрасный маленький мост, который касался крышки рояля посередине. Джинсы стали невыносимо тесными...

Она смотрела на него сверху вниз, как восточная богиня, затененными и мистическими глазами:

– Мы называем эту позицию «ноги врозь». Под его полным желанием взглядом она вытянула правую руку над головой и с изящной легкостью положила голову на ногу, касаясь пальцами левой стопы. Длинный локон волос ниспадал вдоль ее шеи.

Затем Эмбер выпрямила стройную спину и проделала то же самое с другой стороной – левая рука над головой, пальцы касаются правой стопы. Прекрасная линия ее тела, томительная красота гибкой фигуры, ее чувственная шея...

Это было слишком для парня, два года обходившегося без женщин.

Он вскочил, снял Эмбер с рояля и медленно опустил на пол.

Настоящий дикарь, он грубо завладел сладким ртом, срывая с себя одежду и неуклюже пытаясь раздеть ее.

– Быстрее, быстрее, – пыталась она говорить в перерывах между его бешеными поцелуями.

Когда она предстала перед ним обнаженной, красота ее нагого тела заставила его задрожать. Ее груди, маленькие и

безумно прекрасные... Ее талия, такая тонкая, что он мог обхватить ее руками... Мягкий изгиб бедер и прекрасный треугольник завитков внизу лишили его остатков разума.

Оказавшись, наконец, на свободе, его неистовая эрекция достигла предела, твердого как камень. Гай осторожно наклонился к джинсам и достал из кармана презерватив, с благодарностью отметив – он всегда имел один под рукой.

Какое-то время Эмбер стояла, и глаза ее были полны огня. Затем она двинулась вперед и обвила руками его шею, целуя рот и скулы, прижимаясь к его груди и вдыхая запах, доверчиво и как-то по-женски. И это могло обезоружить любого мужчину...

– Ты прекрасен, – шептала она слегка хриплым голосом. – Такой сильный, прекрасный мужчина...

Его охватил порыв прекратить поток ее сладких речей, но он не мог подобрать нужных слов. Мягко, но твердо Гай отодвинул ее от себя. Ему не нужна была дополнительная стимуляция. Удовлетворение должно доставляться без лишней сентиментальной чепухи.

Гай опустил ее на диван. Восхитительно доступная, Эмбер теперь лежала там, тяжело дыша и глядя на него. Когда он вошел в нее, она ответила ему с равным пылом.

Он старался не быть грубым или слишком жадным. Пока его желание неистовствовало над ее хрупкой красотой с помощью рук, губ и языка, он призвал весь свой опыт, чтобы доставить ей удовольствие. И она отвечала ему взаимностью,

гладя и лаская его, игривая и томная, но в то же время полная желания. Это было так просто...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.